

среде. Автором такого памфлета мог быть только монах Сазавского или подобного ему монастыря. Следует учесть, что славянское богослужение в Сазавском монастыре не было богослужением по православному обряду. Сазавские монахи принадлежали к бенедиктинскому ордену и руководствовались тем же уставом, что и остальные бенедиктинские монастыри. Они могли перевести — и действительно перевели — житие св. Бенедикта Нурсийского на старославянский язык, но менять уставные правила им не разрешалось. Папский престол до самой церковной схизмы допускал употребление славянского языка при отправлении обрядов, хотя в этом вопросе были и некоторые колебания; однако религиозные отклонения, разумеется, не разрешались. В Сазавском монастыре могли сосуществовать церковнославянский язык и латынь, но не могли сосуществовать православие и официальное католическое вероучение. Сам же Войтех был членом бенедиктинского ордена, и ни один бенедиктинец, пусть и приверженец славянского обряда, не мог писать о нем с такой ненавистью, какой проникнуто «Сказание о грамоте Русьстей». То же самое относится и к любому предполагаемому славянскому монастырю в Польше XI в. Ни на Сазаве, ни вообще в западославянских землях нельзя представить себе пишущего на старославянском языке бенедиктинца, который составил бы памфлет против епископа Войтеха — гордости ордена бенедиктинцев.

Напомним известную фразу из «Сказания о грамоте Русьстей». «Пришед Вьитех в Мораву и в Чехы и в Ляхы, разруши веру правую и русскую грамоту отверже, а латинскую грамоту и веру постави». Это — совершеннейший миф, и трудно понять, как наука нашего времени могла ему поверить. Почему Войтех начинает свою губительную деятельность в Моравии? Прикажете верить, что до Войтеха в Моравии были идиллические отношения, что нападение венгров никак не отразилось на славянской церкви в Моравии, что только Войтех через сто лет после смерти Мефодия начал искоренять наследие солунских братьев? На втором месте стоит Чехия. Бессмысленно доверять этому упоминанию, если вслед за И. Добровским или Ф. М. Бартошем отрицать существование славянского богослужения в пржемысловской Чехии до основания Сазавского монастыря. Перед нами загадка: как Войтех мог «разрушить» правую веру и погубить славянскую грамоту, если они еще не проникли в Чехию? Но даже если говорить о непрерывной традиции славянского богослужения в Чехии от Мефодия до Войтеха, остается совершенно непонятным, почему саксонец Дитмар, первый пражский епископ, оставил в покое «славянскую грамоту», а славянин Войтех, происходивший из Славниковского княжеского рода, принялся ее истреблять. Что касается Польши, то было бы фантастическим предполагать развитие богослужения на славянском языке в государстве Пястов до Войтеха. Наоборот, именно после Войтеха, начиная с времен Болеслава Храброго, находим в Польше значительные следы церковнославянской культуры.

Войтех изображен в «Сказании о грамоте Русьстей» злым демоном, губителем дела Мефодия во всей средней Европе. Для «Сказания о грамоте Русьстей» точная датировка приводимых фактов не имеет значения: сначала были Кирилл и Мефодий, «потом же многим летом минувшим, пришед» Войтех — злой дух, искоренивший благой посев в Моравии, Чехии и Польше. Это чисто легендарное, неисторическое мышление. В этом мифе Войтех выполняет функцию некоего универсального врага славянского богослужения, олицетворяет всю римскую церковь, наделяется чертами тех церковников, представителями которых во времена Мефодия были Викинг и баварские епископы. Существует предположение, что в «Сказании о грамоте Русьстей» имя Войтех как раз заменило первоначальное